

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

**УБИЙЦА
ИЗ ДЕТСТВА**
Юрий Григорьев

Юрий Александрович Григорьев

Убийца из детства

Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51367780

Убийца из детства : повесть / Юрий Григорьев: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-8138-3

Аннотация

Борис приезжает в родной город, чтобы отыскать Альку и попросить у нее прощения за то, что в юности предал ее любовь. Но случайная встреча с бывшей соседкой по парте Таней приводит его на ежегодную вечеринку живущих в городе одноклассников. Радость их общения нарушает известие об убийстве первой красавицы класса Надежды, а через день едва не погибает еще один школьный друг. Проанализировав известные им факты, Таня и Борис приходят к ошеломляющим выводам: в обоих случаях преступление совершил один и тот же человек, который знал потерпевших с детства, и что самое страшное – он сидел с ними за одним столом. Кто он? Мужчина или женщина? Что заставило его или ее совершить преступления? Неужели их причины кроются там, в далеком детстве? Можно ли рассказать следствию о своих догадках, не рискуя при этом оклеветать невиновного? Борис начинает собственное расследование. И продолжает искать Альку...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Григорьев

Убийца из детства

*Серия «Любимый детектив» была удостоена Премии
МВД РФ в 2018 году*

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Знак информационной продукции **12+**

© Григорьев Ю.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава первая

Он вошел во двор дома, в котором когда-то жил. Свернул в самый дальний угол, встал под высоким, еще из детства, тополем, и посмотрел по сторонам. Сама собой вспомнилась старая, тоже из детства, песня:

Вот снова этот двор,
Мой старый добрый дом.
Я с тех счастливых пор
Ни разу не был в нем.

Да, дом тот же. А вот двор стал другим. Нет сараев с поленищами дров у каждой двери. А сарай был тогда для каждого мальчишки творческой мастерской и испытательным полигоном. Все игрушки делались своими руками. Самолеты, пистолеты, сабли, мечи, кинжалы, дротики и копья, шлемы, латы, щиты – все это вырезалось, выпиливалось, выстрогивалось. Указательные пальцы мальчишек почти постоянно были перевязаны. У каждого на них на всю жизнь остались рубцы от порезов. А как здорово было зимой прыгать с сараев в сугробы! Нет теперь сараев. Мальчишки не делают себе игрушки. Все покупается.

Двор до отказа забит машинами. Только на детской площадке их еще нет, но впечатление такое, что владельцы ав-

томобилей готовы занять и ее. Во всяком случае, паркуются уже вплотную.

А тогда машин во дворе не было вовсе. Только грузовики привозили дрова на зиму. А еще отец Ленки Беляева, он работал таксистом, приезжал иногда во двор на светло-зеленой «Волге» с шашечками на дверях. Это было еще тем событием! Вокруг машины всегда вились мальчишки. Трогали блестящие детальки, заглядывали в салон. Приходили в восторг, увидев цифры на спидометре. Она может разогнаться до 120 километров! Вот это да! Где теперь «Волги»? Кругом одни иномарки.

Он вспомнил, как однажды он с Коляном рассматривали хромированные колпаки на колесах «Волги». Обоих заинтересовал ниппель. Оглядевшись, не видит ли кто? – скрутили с ниппеля колпачок. И стали гадать, зачем в ниппеле торчит штырек? Колян нажал на него. Из колеса с шипением пошел воздух. Колян отдернул руку, но штырек почему-то застрял в глубине и не вернулся в прежнее положение. Воздух продолжал выходить. Испугались. Попытались выковырять штырек каким-то гвоздиком, но ничего не получилось. Убежали от греха подальше. Взволнованные, долго обсуждали, что же теперь будет. Уже в темноте как бы невзначай, дескать, мы здесь ни при чем, прошли мимо «Волги». Весь воздух из колеса к тому времени вышел! Договорились никому не говорить о случившемся и разбежались по домам. Утром, это было лето, каникулы, выглянули в окна. «Волги»

во дворе не было.

На месте дяди Сашиной голубятни детская площадка. Горка, какая-то штурмовая лестница. Домик на курьих ножках. Песочница. Яркие краски. Тогда ничего этого не было. Вон там, слева от голубятни, росли две березки. Чей-то папа, кажется, Витьки Красина, закрепил между ними ржавую железную трубу. Так у мальчишек появился турник, на котором они и висели с утра и до темноты. Вскоре от ржавчины на трубе не осталось и следа. Руки и ноги мальчишек отполировали старую трубу до блеска. Теперь ни турника, ни берез нет.

Нет и старушек у подъезда. Раньше они всегда сидели на лавочке, судачили о том о сем да присматривали за детворой. Некоторые любили вмешиваться в мальчишеские разборки. И порой лезли не в свое дело. Особенно донимала всех бабка Соколова. До чего же вредная была старушка!

И снова пришло воспоминание. Однажды он с Коляном и Толяном сидели на бревне у голубятни, разглядывали ссадины на коленках и спорили, чьи травмы лучше. И тут появилась бабка Соколова. Прислушалась к разговору и встряла:

– Ты инвалид третьей группы, – сказала она своим скрипучим голосом, показывая на Толяна. – А у вас обоих – вторая группа.

И довольная своим остроумием, захихикала. Мальчишек разозлило, что их называли инвалидами. Толян, самый отчаянный из троицы, показал бабке кукиш. Вечером бабка на-

жаловалась его родителям. И отец Толяна, не отличавшийся оригинальностью в выборе средств воспитания своего чада, стал вбивать сыну уважение к старшим многократно проверенным офицерским поясным ремнем. Было.

Мужчина тряхнул головой, отгоняя не ко времени нахлынувшие воспоминания. Подняв голову, посмотрел на два окна на втором этаже. И снова помимо воли вспомнилась песня. Уже другая:

Два окна со двора,
Где развесистый клен.
Я как будто вчера
В первый раз был влюблен.
Прибегал я сюда,
Но звучало в ответ
И не то, чтобы «да»,
И не то, чтобы «нет».

Да, почти так и было. Только не прибегал. Потому что сам жил в этом же дворе, в доме наискосок. Там, где теперь стоит коробка из стекла и бетона и сверкает рекламой автосервиса. И окон в ее квартире не два, а три. А в остальном... Да тоже нет полного совпадения. Долго, очень долго не решался заговорить с ней. Это с Надькой-то! Которую, как и других девчонок, что дни напролет прыгали у подъезда на скакалках или играли в классики, раньше запросто мог дернуть за косу. Или не считал зазорным, как, впрочем, и другие, по дороге

в школу, догнать соседку и стукнуть сверху по ее портфелю своим. Портфель в таком случае всегда выскакивал из руки жертвы бандитского налета. Иногда в лужу. А то и в грязь.

Но прошло время. Из гадкого голенастого утенка, что в короткой, едва прикрывающей трусики юбочке прыгал перед подъездом по нарисованным на асфальте квадратам классиков, Надька превратилась в царевну-лебедя. Если бы это превращение происходило на глазах одноклассников, эффект, наверное, не был бы столь сильным. Но оно случилось во время летних каникул. И потому Надькино появление в школе первого сентября стало для одноклассников настоящим потрясением. На каникулы Надька уходила нескладным подростком, а пришла... В то лето все девочки в классе изменились. Повзрослели, оформились, но остались узнаваемыми. А Надька... Она за лето стала взрослой. Выросла сантиметров на восемь и отобрала лидерство по этой части у Веры Карташевич. Что касается всего остального, всех выпуклостей и округлостей, то в этом соревновании Надька обошла других девочек на круг. Если не на два. А какие стали у нее волосы! Куда делись тощие косички, за которые и дернуть-то порой не хотелось? Теперь Надькину голову украшали роскошные русые локоны. Про лицо и говорить нечего. Высокий лоб, тонкий прямой носик, огромные, поражающие бездонной голубизной глаза в обрамлении длиннющих ресниц. Да что там говорить. Красавица. Само совершенство.

Конечно же повзрослевшие мальчишки заглядывались на нее. Те, что знали Надьку с детства, старались ей услужить, грубо говоря, прогнуться, в очевидной надежде получить в награду поощрительный взгляд или, если повезет, легкую снисходительную улыбку. Незнакомые парни не отставали. Самые смелые, самые сильные и наглые быстро оттерли от Надьки более скромных вздыхателей. Ну а совсем стеснительные, чье обожание Надьки было сравнимо с обожествлением, сами не смели даже приблизиться к ней.

«И я был одним из них!» – грустно признался себе мужчина. Знал Надьку с детства, влюбился раньше других, но оказался среди неудачников. Сколько было бессонных ночей, наполненных розовыми мечтами! Сколько стихов тогда написал! И надо признать, далеко не все были совсем уж наивными или убогими. Сколько раз стоял в подъезде своего дома, украдкой выглядывая на улицу, чтобы, как только Надька появится, выйти тоже и как бы случайно попасться ей на глаза! Поймать ее равнодушный взгляд и радоваться ему, как новогоднему подарку. А потом шагать до школы, намеренно отстав, чтобы еще и еще любоваться, как под брючками совсем по-женски колышется при каждом шаге ее кругленькая попа.

Караулил. Ходил. Смотрел. Вздыхал. А вот заговорить не мог. Хотя учился в одном с ней классе! От одной только мысли о том, чтобы близко подойти к Надьке, сказать что-то, предназначенное только для нее, пусть и нейтральное, – от

одной мысли об этом холодели руки, пробивал пот, кружилась голова. Сотни раз представлял сцену, как подходил к ней и говорил что-то с виду обыденное, но в действительности со скрытым, тайным смыслом, что станет понятным только ей одной признанием в любви. Мечтал. А отважиться и сделать – не мог.

Мужчина усмехнулся, вспомнив, как однажды зимой, когда Надька заболела и не ходила в школу, написал ей письмо. Что в нем было – забылось. Осталось в памяти только, что назвал себя в том письме «раб божий». Надька ответила! Какой это был счастливый миг – держать конверт, что был в ее руках! Поднести его к губам и ощутить слабый, но такой узнаваемый, волнующий запах. Потом осторожно открыть конверт, достать сложенный пополам тетрадный лист и читать написанные ею строки. Неважно, что это были слова ни о чем. Всего лишь признательность за внимание. Важно было другое: они написаны не кому-нибудь, а ему и только ему! Написал ей еще. Она снова ответила. С каким нетерпением ждал, когда же она выздоровеет! Представлял, как Надька появляется в классе. Мальчишки и девчонки поздравляют ее с выздоровлением. Она всем улыбается. А сама взглядом ищет его. Подходит. Благодарит. Говорит, что именно его письма помогли справиться с болезнью. А после школы они идут домой рука об руку. И все ее вздыхатели, силачи и хулиганы, второгодники и ботаники, – все понимают, кому теперь принадлежит Надькино сердце.

В той песенке, что вспомнилась сама собой, когда вошел во двор, есть слова:

Не боюсь я, ребята, ни ночи, ни дня,
Ни крутых кулаков,
Ни воды, ни огня.
А при ней словно вдруг подменяют меня.

– Так и было! – едва слышно прошептал мужчина.

Великое, незабываемое, трогательное и нежное очарование первой любви! А Надька ... Она не просто отвергла самую чистую, самую верную, самую преданную любовь. Не просто растоптала. Нет. Она надругалась над ней! Придя школу после болезни, не только не подошла. Даже не посмотрела в его сторону! А когда уже сидели за партами и она заметила, что он смотрит на нее, презрительно скривила губки и отвернулась. Но если бы только это! Она рассказала про его письма своим подругам. Со смехом. С издевкой. А те – своим соседям по партам да поклонникам. Выставила его на посмешище всему классу! Он на всю жизнь запомнил, как проходил мимо одной из ее подруг и услышал ее презрительное: «раб божий».

Много позже он понял, что как раз его робость, его стеснительность стали причиной того Надькиного взгляда, ее презрительной ухмылки, ее насмешки над горе-вздохателем. Она оценила ту смелость и то внимание к себе, что прочитала в письмах, но она ожидала того же и наяву. А он не

посмел даже приблизиться к своему божеству. Потому и заслужил презрение и насмешку.

Но главное всё же не это. Было еще одно, связанное с Надькой неординарное событие, которое навсегда развеяло юношеские представления о высокой и чистой любви. В один из дней во всех углах школы парни из старших классов шепотом передавали друг другу невероятную новость: вчера Чушкин лишил Надьку девственности. Он сам с подробностями рассказал об этом друзьям.

Мужчина вспомнил, что когда эта новость дошла и до него, он окаменел. Как она могла? Ладно бы, кто-то другой. Но Вася Чушкин. Он же дебил! Он же двух слов связать не может. Он до седьмого класса не знает, как пишутся «жи» и «ши»! Он не прочитал ни одной книги! У него речь, как у неандертальца. Гортанные звуки и не более. Понять, что он говорит, невозможно. Да, он высокий и сильный. Когда это волосатое чудовище, набычившись, идет по коридору школы, все парни прикрывают руками живот. Потому что знают: ни с того ни с сего Вася может со всей дури ударить любого кулаком. Чтобы потом с идиотским смехом любоваться тем, как у жертвы перехватило дыхание и она скрючилась у стены, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. И вот этому недоноску Надька отдалась. Не могла Надька влюбиться в Чушкина. Значит, любовь для нее – ничто. Не могла потерять голову. Значит, все дело в похоти и прихоти. Надькин поступок разрушил волшебное очарование первой

любви. Его любви! Кто восхищался ей и страдал, кто, придя из школы, торопил наступление нового дня, потому что он сулил встречу с ней! Кто тайно и нежно любил ее.

Мужчина тряхнул головой, отгоняя назойливые воспоминания. «Хватит! – мысленно сказал он сам себе. – Ты все обдумал, все решил. Время разбрасывать камни и время их собирать. Пора Надюше получить то, что заслужила. Ответить за подлость, предательство, цинизм. И ничего изменить уже нельзя».

Мужчина вышел из тени и подошел к дому. Вместо деревянной, скрипучей и обшарпанной двери, подъезд украшает теперь железная, с кодовым замком. Смотрится это, как модная шляпка на голове столетней развалины. Но главное – все эти антитеррористические изыски совершенно бесполезны. Дверь распахнута.

Он шагнул вовнутрь. Полумрак. Лампочки в патроне нет. Свет уличного фонаря едва пробивается в подъезд сквозь крохотное, покрытое пылью и паутиной оконце лестничной площадки. Когда он стал подниматься по кривым деревянным ступенькам, те жалобно застонали. Чувствуют, отметил он про себя.

Он не боялся, что его может увидеть кто-то из тех, кто его помнит. Узнать в дородном пятидесятилетнем мужике того мальчишку невозможно. Да и не осталось здесь никого, кто жил тогда. Специально наводил справки. Одна только Надья вернулась жить в дом детства.

Остановился перед обитой облезлым дерматином дверью. Глазок подсвечен изнутри горящим в коридоре светом и смотрит пристальным, немигающим взглядом. Мужчина усмехнулся. Была первой красавицей школы, – а живет в таком гадюшнике!

Рука потянулась к звонку. Указательный палец коснулся кнопки, но не нажал ее. Последняя возможность отступить! Отказаться от задуманного! Плюнуть на все: да гори оно огнем! Пусть все останется, как есть! Ведь ничего не изменить! Подобно джину из сказки, зло выпущено на свободу и теперь никакими ухищрениями его не вернуть обратно. Прошлось по надеждам и мечтам, словно испачканный и перегретый утюг по выстиранной и высушенной рубашке. И теперь уже не избавиться от оставленных им грязных пятен и рыжих подпалин. Так не лучше ли смириться? Не простить, но забыть? Не пытаться отобрать судьейскую мантию у Судьбы. Или у Бога. Если он есть. Как пел Высоцкий: «Пусть жизнь рассудит! Пусть жизнь накажет!»

Указательный палец мужчины гладил кнопку звонка, а сам он опустил в задумчивости голову. «Надо или нет? Надо! Никто не знает, что я приговорил Надьку к смерти. Никто и никогда не поймет причины случившегося».

Мужчина тряхнул головой! Да что же это такое! Воспоминания, будь они прокляты, не дают покоя. Лезут в голову в самые неподходящие мгновения. Ведь все решено! Давно обдуманно и взвешено. Это все внутренний голос. Как же он

меня достал!

Всю жизнь следит за каждым шагом. Не дает забыть про грехи, ошибки и постыдные поступки, что случались в жизни. Не позволяет забыть не только то, что хотя бы кто-то знает и может некстати напомнить. Чтоб пристыдить. Или унижить. Или. ... Да мало ли еще зачем. Нет! Он не разрешает выбросить из памяти даже то, о чем не знает никто. Что так хочется забыть навсегда! А чего стоит его иезуитская извращенность! Всегда объявляется некстати. Последний раз приходил два дня назад ночью.

Мужчина вспомнил, как перевернул тогда подушку холодной стороной вверх и ждал, когда придет желанный сон. А он ... Что этот подлец, голос, сделал? Ни с того ни с сего зажег в дремлющем уже мозге воспоминание о той драке с Васей перед кабинетом химии. Собственно, драки не было. Было избиение. Чушкин, сильный и поднаторевший в силовых единоборствах без правил, бил и приговаривал: «Ты понял, за что?» Мужчина заново увидел, как беспомощно съежившись у стены, закрывался от могучих кулаков, не смея ударить в ответ. Не отважился выйти из драки пусть и в кровь избитым, но победителем. Вася про это, конечно, давно уже забыл. Те, кто это видел, и те, кто не видел, но знал, тем более. Уже верилось, что этот постыдный эпизод жизни навсегда похоронен под многими тоннами дней, лет, событий. Но голос напомнил. Зачем? А затем, чтобы увидеть, как его жертва вздрогнула. Скрипнула зубами. Чтобы услышать ее

невольно вырывающийся из груди протяжный, полный стыда и боли стон. Чтобы стон этот разбудил жену. Чтобы она испуганно спросила: что с тобой?

«Всю жизнь внутренний голос следит за мной, – грустно подумал мужчина. Как говорит молодежь, пытается строить. И нет никакой возможности избавиться от его назойливого и раздражающего присутствия. Но теперь с ним будет покончено! Навсегда! Надо сделать то, что задумал!» О чем голос знал, но отмолчался. Потому что он думает, что просто зафиксирует то, что станет для мужчины избавлением от прошлого, чтобы потом терзать своего хозяина еще и этим воспоминанием. И просчитается! Потому что станет соучастником того, что случится. А соучастие наказуемо!

«Так что придется тебе, мой назойливый спутник, признать поражение, – мысленно сказал голосу мужчина. – И оставить меня в покое. Навсегда!»

Он решительно надавил на кнопку. За дверью раздалось кудахтанье, которое извращенный ум изобретателя звонка посчитал трелями соловья.

Потом из квартиры послышались шаркающие шаги. Свет в глазке потух. Секунды тянутся как вечность. Брякнула цепочка. Наконец повернулся ключ, и дверь распахнулась. Бледное, настороженное лицо над натянувшейся цепочкой.

– Привет, Надька! – бодро произнес мужчина. – Шел мимо, смотрю – в твоих окнах свет горит. Дай, думаю, зайду. Пустишь?

– Питон... – удивленно проговорила женщина.

На Надьке были надеты джинсы и бледно-розовая полупрозрачная блузка, сквозь которую просвечивал бюстгалтер.

– На чашку чая пригласишь? – спросил мужчина и одарил одноклассницу беззаботной улыбкой.

Но Надька не приняла его игривый тон:

– Ты каким ветром здесь? – спросила она так, словно не верила своим глазам.

– Я же сказал. Шел мимо, увидел свет. Такпустишь?

– Вот уж кого не ожидала, так тебя, – призналась Надька и вздохнула. – Ну, заходи, раз пришел.

Она впустила гостя, закрыла за ним дверь. Мужчина наклонился, чтобы снять туфли.

– Тапочки вон там! – показала под табурет Надька. – Ванная, знаешь, где. В такой же квартире жил.

Она прошла вперед. Питон сбросил туфли и сунул ноги в мягкие белые тапочки, явно привезенные из турецкого отеля. По пути на кухню зашел в ванную. Да, отметил про себя, точно такая же каморка с газовым нагревателем была и в родительском доме.

– Как это мне знакомо! – сказал Питон, оказавшись в кухне. – Все как было и у нас. Только вот здесь была печка.

– Печки давно уже сломали, – ответила Надежда. – Да ты садись. Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Как в нашем районе оказался. От любовницы идешь?

– Обижает! Я примерный семьянин!

– Все вы примерные! Пока не поманишь. Тут же крыша съезжает.

– Ты сегодня не в духе?

– Я всегда в духе! – вяло ответила Надька. – Чай будешь?

– Так на него и напрашивался...

Надежда включила чайник. Поставила на стол симпатичные фарфоровые чашечки. Сахарницу.

Питон молча наблюдал за одноклассницей. Время не пощадило ее. Пополнела. Немного сутулится. Мочки ушей оттянуты тяжелыми сережками. И морщинки. На шее и перед ушами. Глубокие складки около рта. Все, что как ни старайся, выдает возраст. А Надька, это видно, пытается бороться с неизбежным. Волосы недавно покрашены, предательской седины у корней не видно. Прическа сделана. Гостей не ждала, но блузка новая, не из дешевых и не слишком подходит для того, чтобы в одиночестве коротать вечер перед телевизором. Аккуратный, сдержанный макияж. Но все эти усилия тщетны. Яркая помада не может скрыть поперечные складки на губах. Никакие кремы, Питон видел их и в прихожей, и в ванной, не помогают вернуть коже былые блеск и эластичность. Никакими мазями не убрать с кистей пигментные пятна. Возраст берет свое.

– Что, постарела? – спросила Надежда, поставив на стол симпатичные розетки.

– Правду сказать? Или соврать?

– Да как хочешь, – равнодушно ответила Надежда. – Я и сама знаю, что не молодею. Впрочем, как и ты.

– Да нет. Хорошо выглядишь. Многие в твоём возрасте уже старухи. А ты ещё – хоть завтра на подиум.

– Ладно, болтать-то, – равнодушно ответила Надя, не подаваясь на примитивную лесть. – Какое варенье будешь? Могу предложить крыжовник, клубничку, малину.

– Давай клубнику. Крыжовник с детства не люблю. С тех пор, как рассказ Чехова проходили. Так и называется: «Крыжовник».

– Что-то не помню.

– Про чиновника, который мечтал в конце жизни сидеть на веранде собственного дома и есть варенье из крыжовника со своего участка.

– Все равно не помню.

– А я помню! Нам ещё внушали, что такая цель жизни недостойна советского гражданина. Что мечтать о таких мелочах – мещанство. Вспомнила?

Надежда отрицательно покачала головой.

– Да как же! – возбудился Питон. – Ты ещё у доски отвечала. Помнишь училку, что вела у нас литературу? Ну, та, худая, веснушчатая, в очках. Как её звали то? Мария ... Павловна ... Нет! Петровна! Мария Петровна!

– Да не помню я!

– Я на первой парте сидел. Ты как раз передо мной стояла.

– Ну и память у тебя, – равнодушно заметила Надежда, разливая по чашкам чай.

– Память у меня собачья, – признался Питон. – Помню все. Даже то, что надо бы забыть к чёртовой матери. Помнишь, как в седьмом классе металлолом собирали? Я и Генка притащили канализационный люк. Сняли, дураки, с колодца в каком-то дворе. Чтобы за один раз выполнить норму. Ты подошла к нам. И приказала унести обратно. Пока кто-нибудь не свалился в колодец и не убился. А ветер сильный был. Ветром тебе задрало и пальто, и юбку. Я помню, на тебе были коричневые вигоневые рейтузы.

– Глупости! – фыркнула Надежда.

– Сейчас такие не носят! – не мог остановиться Питон. – А запомнил я это потому, что ты же была первой красавицей! И такой конфуз. Впрочем, ты несколько не смутилась.

– А чего тут смущаться-то? – пожала плечами Надежда. – Я же не голая была. И не в рванье каком. Ладно, хватит обо мне. Ты не ответил, как в наших краях оказался.

– Случайно. А ты? Одна живешь? И почему здесь?

– Дочь замуж вышла, – нехотя ответила Надежда. – Молодежь жить в этой халупе не пожелала. А я с ними жить не могу. Двум хозяйкам в одной кухне не ужиться. Отдала им свою квартиру. Себе дом строю. Эту халупу – ни сдать, ни продать.

– Работаете?

Надежда слизнула с ложечки варенье и с прищуром по-

смотрела на Питона:

– Ты только что говорил, что у тебя память собачья, – негромко сказала она.

– Говорил... А что?

– А то! – Надька отбросила ложечку. – Спрашиваешь то, что и так знаешь. Ты же был на последней встрече!

– Так ведь год прошел! Да и не говорила ты тогда о себе. Так чем на кусок хлеба зарабатываешь?

– Мозгами. Надоело все! Миллионера ищу!

– И как? Есть на примете?

– Насчет миллионеров врать не буду. А так... Женихов хватает.

При воспоминании о женихах на губах Надьки заиграла лукавая улыбка:

– Меня дочь зарегистрировала на сайте знакомств. Ша-рюсь там. Недавно немец один руку и сердце предлагал. Но сначала, говорит, приезжай погостить. Надо же проверить друг друга в постели.

– Поедешь?

– Нет, – дернула головой Надька. – Не хочу его расстраи-вать. Нашел, с кем в постели соревноваться!

Эти слова больно резанули слух Питона. Значит, все, что мне рассказывали про нее, правда, подумал он. Нимфоман-ка.

Звонок мобильного телефона заставил Питона вздрог-нуть.

– Извини! – сказала Надежда и вышла их кухни.

Питон напряг слух. О том, что Надежде могут позвонить, он не подумал. Если звонит кто-то из тех, кто его знает, она может сказать, что он сейчас у нее. Если кто-то другой, но она проскажет, что у нее в гостях друг детства, тоже плохо. Тогда придется уходить.

Мужчина напряг слух, но Надька прикрыла дверь в комнату, и он не мог разобрать ни слова. Только понял, что она что-то надиктовывает. При этом голос звучит совершенно спокойно.

– Дочка звонила! – ответила Надежда на немой вопрос гостя, вернувшись в кухню. – Рецепт моего фирменного пирога спросила. Так на чем мы остановились?

– Что ты жениха за бугром ищешь, – напомнил Питон.

– Да не ищущу! – вяло махнула рукой Надежда. – Здесь хватает! Так... Поддраживаю мужиков.

– Но если попадется достойный, поедешь к нему?

– Все может быть, – философски ответила Надежда. – Зарекаться не буду.

– А почему ты с мужем рассталась?

– Послушай! – возмутилась Надежда, вскинув ресницы. – Ты чего мне в душу лезешь? Нарисовался, черт знает, зачем и откуда, и теперь допрос устраивает.

Питон виновато улыбнулся. Но Надежда уже взяла себя в руки.

– Извини, – спокойно сказала она. – Но твои вопросы ...

Женщины не любят отвечать на такие. Женское сердце – хранилище любовных тайн. Посторонним туда вход запрещен!

– Я не спросил ничего особенного. Замуж выходят или по любви, или по расчету.

– Еще по залету! – со смехом добавила Надежда, к которой вернулось хорошее настроение.

– Ага! – засмеялся Питон. – А ты?

– Ох, и зануда же ты! – вздохнула Надежда. – Про таких говорят, что им проще дать, чем объяснить, что не можешь.

– Да не надо ничего объяснять. Скажи только, ты знала, что я был в тебя влюблен?

– Да в меня все были влюблены! – воскликнула Надежда.

Ее лицо осветилось каким-то внутренним светом. На короткий миг Питону показалось, что перед ним сидит не сегодняшняя, основательно потрепанная жизнью, пресытившаяся плотскими наслаждениями Надежда, а та Надька, что из детства: юная, сказочно красивая, невинная. Но только на миг.

– А письма? Помнишь, я писал тебе письма? – продолжал допытываться Питон.

Надежда наморщила лобик.

– Кажется, что-то было, – неуверенно ответила она. – Нет, не помню. Ты что, куда-то уезжал?

– Ты в ту зиму долго болела, – хмуро пояснил Питон. – В школу не ходила. Я стал писать тебе. Ты отвечала. Даже

фотографию прислала. Три на четыре.

– Не помню, – снова покачала головой Надежда. – Ты какой-то невидный был.

– А Чушкин был видный?

Улыбка Надежды мгновенно растаяла. На смену ей на ее лицо, как роса на стекла очков, когда приходишь в тепло с мороза, набежала тень настороженности и подозрительности. А то и злости.

– Чего это ты Чушкина вспомнил? – хрипло спросила она.

– Ты сказала, что я был невидный, – простодушно пояснил Питон. – А Чушкин в школе был одним из самых приметных. Высокий. Сильный.

– Дурак он был! – зло оборвала гостя Надежда. – Высокий и сильный дурак. К тому же болтливый, как баба базарная.

«Значит, правда», – отметил для себя Питон.

– Ладно! – на лицо Надежды снова вернулась улыбка. – Давай оставим воспоминания! Таня Рыкова тебе звонила?

– Насчет встречи? Звонила.

– Придешь?

– Собираюсь. А ты?

– Не знаю, – вяло ответила Надежда. – Вообще-то я ни по ком не соскучилась.

– При чем здесь соскучилась? Так, встретиться. Пообщаться. Рассказать о себе. Послушать о других.

– Мне сплетни не интересны! – оборвала его Надежда.

Из глубины квартиры донеслась трель мобильного теле-

фона. Надежда чертыхнулась. Поднимаясь, подмигнула: дескать, не скучай! – и вышла.

Снова ушла в комнату. Как и в первый раз, прикрыла за собой дверь. Питон снова насторожился. Звонки, будь они прокляты! Из-за них весь план может рухнуть!

Внутренний голос почувствовал его колебания:

– Еще не поздно уйти! – прошептал он.

– Отстань! – тряхнул головой Питон. – Не мешай слушать!

В этот раз Надька говорила намного громче. Да и разговор, в отличие от предыдущего, был ей неприятен.

– Блин! – раздраженно чуть ли не выкрикнула Надежда. – Я же Хряку все объяснила! Можно сказать, разжевала и в рот положила... Ладно, Джонни! Не кипятись. Сейчас я все разрулю! Звоню этому болвану.

В разговоре с тем, кого Надежда только что презрительно называла «Хряк» и «болван», она была уже совсем другой. Куда делись злость? Недовольство? Раздражение? Ни намек! Надежда мурлыкала, словно влюбленная кошечка:

– Котик! Ну почему ты такой тупой? Ты зачем звонил Джонни? Я же говорила тебе: что бы ни случилось – сразу звони мне и только мне! Ладно! Не извиняйся. Езжай за Лялькой! Пулей!

– Пошли домой, – снова предложил внутренний голос.

Питон скрипнул зубами, сжал кулаки.

– Нет! – проговорил он сквозь зубы. – Теперь уже нет!

В следующем разговоре Надежда снова изменилась: стала

властной, не терпящей возражений повелительницей:

– Привет, моя сладкая! У нас опять аврал! Собирайся! Машина за тобой уже едет.

Надежда вернулась в кухню, виновато улыбнулась:

– Извини! Кое-какие заморочки в делах.

Питон облизал пересохшие губы, потом поднес чашку с остывшим чаем к губам, сделал глоток. Только после этого понимающе кивнул и осведомился:

– Чем все-таки занимаешься? Или секрет?

– Да нет секрета! – махнула Надежда рукой. – Так, по мелочи. Утоляю людям жажду. Свежевыжатыми соками. Еще чаю?

Гость молча кивнул и снова облизнул губы. Надежда повернулась к плите. Питон быстро поднялся со стула и шагнул к ней. Крепко обхватил тонкую шею руками и резко поднял женщину над полом. Он почувствовал, как под пальцами что-то хрустнуло. И в тот же миг тело Надежды обмякло. Питон подержал ее на весу еще некоторое время, потом осторожно опустил на пол.

– Вот и все! – прошептал он.

Постоял несколько секунд над распростертым на полу телом. Круто повернулся и прошел в ванную. Посмотрел на себя в зеркало. Ополоснул лицо, вымыл руки, вытер их полотенцем. «Следаки будут искать биологические следы преступника, – подумал он. – Во всяком случае, в фильмах они где только их ни находят. На полотенце-то вряд ли что най-

дут. А вот кухню надо посмотреть внимательно».

Две чашки, две розеточки с вареньем. На краю чашки, из которой пила хозяйка, остались следы губной помады. Не надо быть Ватсоном, чтобы понять, что хозяйка была не одна. И что она знала своего гостя. С незнакомцами чай не пьют.

Впрочем, кто сказал? Дамочка она, царство ей небесное, одинокая. Не юная, но и не старуха. Это дело любила. Так что необязательно у нее был давний знакомый. Вполне могла пригласить на чашку чая мужика, которого недавно, а то и только что сняла. Это Ватсону придется учитывать.

Он остановился над распростертым на полу телом. Надежда лежала на животе, голова была обращена к Питону затылком, словно она не хочет видеть того, кто лишил ее жизни. Или ... не хочет, чтобы убийца видел ее мертвое лицо.

Внезапно в его животе холодным и липким комком слизи возник страх. Слюнные железы с нудной, тягучей болью выбросили в рот кислую слюну. С гримасой отвращения он проглотил ее. Желудок судорожно дернулся. Питон с трудом подавил приступ рвоты. А рот уже снова наполнился. Питон непрерывно глотал кислую слюну, что была во рту неистощимыми фонтанами, но рот тотчас наполнялся снова. Он снова и снова глотал, а слюна все била и била. Это продолжалось не больше минуты, но Питону они показались вечностью. Наконец запасы слюны иссякли, и он смог перевести дух. На ватных ногах прошел в ванную. Попил из крана, снова осмотрел себя в зеркало, еще раз умылся.

Перед тем как уйти, еще раз заглянул в кухню.

– Ну что, Шерлоки и Ватсоны, – прошептал он. – Ищите!

И обряцете! Если ума хватит!

Он уже переступил порог квартиры, когда в его голове громко прозвучали заставившие вздрогнуть слова:

– Ну вот, ты и стал убийцей! – сказал внутренний голос.

– Мы! – поправил его Питон.

Глава вторая

Журавлев вышел на балкон номера и с высоты пятнадцатого этажа смотрел на раскинувшийся под ним город детства. Наконец-то его давняя мечта сбылась!

Он мечтал об этой поездке много лет. Не единожды заговаривал об этом с супругой. И каждый раз сталкивался с абсолютным непониманием.

– Чего тебя так тянет туда? – подозрительно шурилась жена, как только он заикался о том, что хочет навестить тревожащие его память места. – Там ни родных, ни друзей, ни могилочек родительских. Что тебе там делать?

Она не высказывала свои подозрения вслух, но Журавлев понимал: не исключает супружница, что у него в городе детства кто-то есть. Смешно!

– Пойми, я там вырос, – пытался объяснить ей Журавлев. – Самые первые мои воспоминания связаны именно с ним. Там я научился ходить говорить, писать и читать.

– Там я впервые сходил по бабам, – продолжала за него супруга.

– Дура! – срывался Журавлев. – У тебя одни только бабы на уме!

– Радуйся, что не мужики! – язвила жена.

Как правило, на этом очередная попытка получить от любимой жены агреман заканчивалась.

Попытка заканчивалась, но мечта побывать в городе детства не ослабевала. И через некоторое время все повторялось.

Капля камень долбит. Настал-таки день, когда Ирина согласилась отпустить мужа на побывку в детство. В тот день он вез жену на работу, а из приемника звучала песня Анжелики Варум:

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться
В городок.

– Видишь, ей тоже хочется, – сказал тогда Журавлев.

– А почему меня не тянет? – вдруг спросила супруга. –
Никогда не тосковала по своему поселку. Никогда и мысли не было съездить туда. Почему?

– Потому что твоего поселка давно уже нет. – Резонно заметил Журавлев. – Некуда тебе ехать.

– Твоего дома в том городе тоже наверняка нет! Если не снесли, то сам развалился от ветхости!

– Нет! – грустно согласился Журавлев. – Но там много других мест, которые мне дороги. Да и из знакомых кто-то остался. Одноклассники, например.

– Столько лет ни с кем не контактил, а тут вдруг затосковал по соседке по парте, – не удержалась Ирина.

– А еще хочется увидеть, каким стал теперь город! Ведь изменился за эти годы! – ответил Журавлев, оставив без вни-

мания язвительную реплику супруги.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда! – ответил ей Журавлев.

Как ни странно, но именно это «от верблюда» оказалось правильным поворотом разговора. Супруга не обиделась, не надула губы, а задумалась. И неожиданно для Журавлева сказала:

– Если так уж тоскуешь по своему городу, съезди. Посмотри. Убедись, что он больше не твой. И поймешь, что я была права. Невозможно вернуться в прошлое. Потому что оно есть только в памяти.

Вот так, к полной неожиданности Журавлева, он получил наконец желанное благословение. В тот же день, пока жена не передумала, забронировал по Интернету номер в гостинице со звучным названием «Якорь». В центре города. В его молодости такого отеля в городе еще не было. Купил билет. И теперь приехал.

Он смотрел с балкона на раскинувшийся перед ним город и вдруг осознал, что вместо радости испытывает одну только грусть. Сколько раз, еще до того, как получил заветное разрешение, он представлял, как выйдет из самолета и почувствует, что на родине даже воздух другой. Когда самолет только подлетал к аэропорту, когда вывалился из облаков и внизу открылись улицы и дома, он ощутил в груди сладкую, трепетную нежность. Хотя с высоты не узнал ни одного дома, ни одной улицы. И даже встревожился: а туда ли он ле-

тит? Только с детства знакомый изгиб реки успокоил: это он, мой город!

Но едва Журавлев вышел из самолета, как стал понимать, что город ему больше не принадлежит. Здание аэропорта другое. Не то, из которого он улетал после учебы. То, старое здание, с забавной стеклянной кабинкой диспетчеров на крыше, чем-то похожей на голубятню, стояло на своем месте, но по запыленным окнам было понятно, что теперь оно используется по другому назначению. Если вообще используется. А не дожидается сноса.

А вот говор коренных горожан не изменился. Все тот же, протяжный, с возрастающими к окончаниям предложений интонациями.

– Куда едем-то? – весело спросил его разбитной таксист из числа аборигенов.

– В «Якорь».

– Поехали!

И под ревнивыми взглядами конкурентов, упустивших добычу, повел Журавлева к машине.

По дороге в гостиницу Журавлев смотрел по сторонам и окончательно убедился, что от старого, до боли знакомого ему города осталось не так уж много. И дома, и улицы – все стало другим. За полчаса, что такси везло его в отель, он узнал только комплекс зданий областной больницы. И все! Деревянные избушки с резными наличниками промелькнули за окном такси только на окраине. Весь центр застроен

современными зданиями. Сплошь разноэтажными. Блочными и монолитными. Все не похожи один на другой. Отделенные друг от друга стекляшками торговых центров.

Но настоящий шок Журавлев пережил, когда они выехали на главный проспект города.

– Это что? Ленинский? – спросил Журавлев таксиста, с трудом угадав проспект.

– Так ведь это Рождественский! – ответил таксист. – Ленинский-то он раньше назывался!

– А где рельсы? – еще больше удивился Журавлев. – Ведь тут ходили трамваи!

– Так нет трамваев-то! И троллейбусов нет. Давно уже. Лет семь, наверное.

Журавлев ошарашенно хлопал глазами. Трамвай был одной из достопримечательностей его города. Можно сказать, его визитной карточкой. Наравне с обилием огромных лесовозов на реке. Он помнил, что когда еще не ходил в школу, по рельсам, громяхая на стыках, резво бегали старые, красного цвета фанерные вагончики. Их двери всегда были открыты. Собственно, дверей не было. Зимой вагончики продувались лютым северным морозом насквозь. Внутри вагона, под потолком, тянулись блестящие трубы со свисающими с них кожаными петлями. Потом на смену старым и холодным вагонам пришли другие. Уже с дверьми. В этих вагонах у кондуктора был специальный рычаг. Когда он его поворачивал, двери с шипением закрывались или открывались.

Журавлев вспомнил, как однажды шел из школы и навстречу ему попался куда-то спешащий Сашка Боданин.

– Меня кондукторша трамвая попросила помогать ей, – возбужденно похвастался Сашка. – Открывать и закрывать двери, когда она будет уходить в другой конец вагона.

Расцвел улыбкой счастливого победителя лотереи и довольный впечатлением, которое произвел на сверстника, помчался дальше.

Потом появились еще более новые трамваи. Теплые. Двери в них открывал и закрывал вагоновожатый. Он же объявлял остановки. Поставили билетные кассы, и надобность в кондукторах отпала. Их не стало. А теперь не стало и самих трамваев.

Журавлев учился в третьем или четвертом классе, когда среди мальчишек началось массовое увлечение солдатиками. В то время их фигурки не продавались, приходилось лепить воинов из пластилина. Чтобы вооружить своих героев, мальчишки клали на трамвайные рельсы гвозди. Тяжелый трамвай расплющивал гвоздики, превращая их в оружие. Если гвоздик был прямым и длинным, получался меч, которым можно было вооружить тевтонского рыцаря. Если гвоздик был коротким, то получались мечи римских легионеров. Чтобы вооружить саблей турецкого янычара, гвоздик, перед тем как положить на рельс, надо было изогнуть. Может быть, потому и убрали трамваи, что сегодняшним мальчишкам нет нужды самим делать оружие для воинов игрушечных армий?

Отказ от трамваев хотя бы как-то можно понять. Шумные. Неторопливые. Но троллейбусы!

Троллейбусы были дороги Журавлеву, потому что сыграли в его жизни очень значимую роль. Их семья жила на окраине города. В районе, который неофициально именовался Шанхай. Финские щитовые домики, по четыре однокомнатных квартиры в каждом. Из удобств: свет да радио. Туалет «свободного падения». Печка. За водой надо идти на колонку без малого полкилометра. В то время почти все в городе уже жили пусть и в деревянных домах, но с водопроводом и ваннами, а кое-кто и с газовыми плитами. У Журавлева из этих благ цивилизации не было ничего. Как он страдал от этого! По этой причине, из-за убогости жилья, в котором на девяти квадратных метрах ютилась семья из пяти человек, он никогда не приглашал домой сверстников. Когда бабушка заболела и до самой смерти не вставала с постели, крохотная кухонька в их квартире стала и больничной палатой, и бабушкиным туалетом. Ну как можно позвать друзей в дом, где места свободного нет? Где крохотная кухонька – она же столовая, прихожая и туалет? Пришел однажды комсомольский патруль. Посмотреть, в каких условиях живут ученики школы. У всех ли есть письменный стол и школьный уголок. Была в седьмом классе такая фишка. Дальше порога не прошли. Пулями вылетели из пропахшего умирающей старушкой жилья.

Журавлев вспомнил, как по Шанхаю пронесся слух, что

на месте их городка будут строить троллейбусный парк. Поначалу в это не верилось. Уж слишком невероятно. Ведь в таком случае всем дадут квартиры в благоустроенных домах. С горячей и холодной водой, с ваннами и теплыми туалетами, с газовыми плитами и, может быть, – чем черт не шутит? – с телефонами! Разве такое может быть? Потом на переулках Шанхая появились рабочие и стали бурить скважины. Жители Шанхая спрашивали у рабочих: что ищете? Уж не алмазы ли? Как раз тогда в области обнаружили месторождение алмазов. Бурильщики шутку поняли, но ответили серьезно: проектировщикам нужны данные о грунте. Чтобы построить здесь троллейбусный парк. Вот тут люди поверили, что они выберутся из убогости. Но прошло еще долгих три с лишним года, пока всем действительно дали жилье. Да не где-нибудь у черта на рогах, на Выселках, а в новом, самом перспективном районе города. В Привокзальном. И вот теперь оказывается, что троллейбусы, которым Журавлев по гроб жизни благодарен за то, что вытащили его семью из убогости быта, не продержались в городе и пятидесяти лет.

К тому, что «Якоря» при нем не было, что отель появился уже после того, как он уехал на учебу, Журавлев был готов. Но вид с балкона стал для него настоящим потрясением! Невозможно узнать ничего!

Когда первое оцепенение прошло, Журавлев начал сообщать, что не все так уж и плохо. Кое-что, значимое и узнаваемое, все-таки осталось. Например, лента реки с ее изги-

бами и поворотами. Мосты на ней. Телевышка никуда не делась. Стоит там же, где и была. Вот по этим приметам он и попытался сориентироваться в новом для себя городе. И очень быстро запутался. Что за купола сверкают тут и там? Храмы построили? Так много? На каких же это улицах? Нет, с балкона ничего не поймешь.

Журавлев вернулся в номер. А уже через пятнадцать минут вышел из отеля на первую прогулку по городу детства. И только оказавшись на широкой улице, среди спешащих по своим делам горожан, Журавлев признался себе: не только тоска по ушедшему детству влекла его сюда. Была еще одна причина. Тайная и важная. Алька. Его по-настоящему первая любовь.

Они познакомились зимним вечером на остановке автобуса. Было темно и тихо. На землю, медленно кружась, падали невесомые снежинки. Журавлев ждал на остановке свой автобус, когда увидел ее. Невысокая и стройная. Зимнее пальто со скромным меховым воротничком. Вязаная шапочка. Недорогие, явно не импортные сапожки. Вязаные варежки. Она стояла чуть в стороне. На ее лицо падала тень, разглядеть его черты было невозможно, но Журавлев почувствовал, что девушка очень красивая. А еще – скромная и робкая. Интересно, куда она едет? – подумал тогда Журавлев. К остановке подходили нечастые в это время автобусы, садились и выходили немногие пассажиры. Каждый раз Журавлев ждал, что девушка сядет в очередной автобус, уедет,

и он никогда больше ее не увидит. Но всякий раз, когда отъезжал очередной автобус, оказывалось, что это не ее маршрут и она не уехала. И тогда Журавлев решился.

– Ты какой маршрут ждешь? – спросил он, подойдя к девушке.

– Второй, – ответила одна, подняв на парня огромные глаза.

– А тебе куда?

– На Нестерова.

– Пошли пешком? – предложил Журавлев. – Я тебя провожу!

Она согласилась. Так они познакомились. Оказалось, что зовут ее Аля, она в этом году заканчивает школу, будет поступать в педагогический. На какой факультет – еще не решила. Может быть, русский язык и литература. А может быть, иняз.

Они шли по тихим пустым улочкам и разговаривали. Пока шли до ее дома, Журавлев узнал, что живет Аля с мамой в маленькой комнате. Что у нее есть старший брат. Он уже женился и живет отдельно, но в этом же доме. Что ее мама работает в гостинице.

На маленькой улочке, у дырки в деревянном заборе, когда-то здесь была калитка, Аля остановилась.

– Вот мой дом! – сказала она, показывая на древний домик во дворе. – Спасибо, что проводил.

– Давай уж до крылечка дойдем, – ответил Журавлев.

Аля согласилась, и они вошли во двор.

– Моя комната вон там, – просто сказала Аля, показывая на маленькое оконце под крышей, из которого лился желтоватый свет. И виновато улыбнулась, словно извиняясь, что живет в столь непривлекательном жилище.

Журавлев мгновенно представил крохотную, с низким, с пересекающими его балками потолком, со скрипящим при каждом шаге полом и звякающей при этом в древнем буфете посудой.

– У нас, конечно, тесновато, – сказала Аля, словно отвечая на вопрос Журавлева. – Но ничего! У меня есть в комнате свой уголок. И сплю я теперь на диване. А когда брат жил с нами, мне стелили на сундуке. Представляешь?

И засмеялась. Журавлева, который хорошо знал, что такое теснота и нищета, рассказ Альки не удивил и не испугал.

Они встречались каждый день. Просто бродили по улицам. Иногда ходили в кино. Чем больше Журавлев узнавал Алю, тем острее понимал, до чего же она хороша! Не только внешне. Душа у нее была глубокая, светлая и чистая.

После прогулки Журавлев провожал Алю до крылечка, и они подолгу стояли на улице, потому что обоим не хотелось расставаться. В один из вечеров, когда они вот так стояли у крылечка, отворачиваясь от пронизывающего ветра, на улице вышла средних лет женщина.

– Ты чего мою девку морозишь? – с напускной строгостью в голосе спросила она Журавлева. – Простудишь!

И так же строго добавила, уже обращаясь к Альке:

– Веди кавалера в дом! Чаем напои! А то так промерзнет, что не придет больше!

– Моя мама. – Негромко сказала Аля, проводив женщину взглядом. – На работу ушла. У нее сегодня ночная смена.

Подняла голову, посмотрела в лицо Журавлева своим необыкновенно чистым взглядом:

– Если хочешь, можем зайти. Чаем угощу.

Эти слова, простодушно прозвучавшие тогда из Алькиных уст, заставили Журавлева улыбнуться. Через много лет после того вечера, когда за плечами многие влюбленности и знакомства, обожания и разочарования, когда нет нужды заниматься самообманом, он честно признавался себе, что не увидел в том приглашении на чашку чая того смысла, который вкладывается в него сейчас. Да и не было в Алькиных словах другого, скрытого смысла. Аля действительно приглашала на чай. И ни на что не намекала, когда говорила, что мамы не будет дома до утра. Святая, светлая юность! Где ты теперь?

Журавлев шел по улице, погруженный в воспоминания, и не отдавал себе отчета, что ноги сами несут его к Алькиному дому. Вот эта улочка. Заасфальтирована. А тогда была вымощена булыжником. Фонари стоят. Раньше их не было. А где же ее дом?

Тогда тут были только деревянные дома. В большинстве своем еще дореволюционные. Теперь же улица застро-

ена многоэтажками. Журавлев почувствовал, что волнуется. Неужели того дома больше нет? Неудивительно, конечно. Он и тогда был старым. Мог за эти годы от ветхости развалиться. Истлеть. А могли и снести, освобождая место для торгового центра или фитнес-клуба.

Журавлев понимал это, но продолжал высматривать дом Альки. Ни одного ориентира не осталось! Тут же были сплошные заборы! За которыми виднелись только крыши и печные трубы. Нет теперь заборов! Похоже, что дома тоже.

Он уже собирался развернуться, чтобы пройти улочку еще раз, но уже в обратном направлении, как вдруг его сердце радостно встрепенулось. Есть! Вот он!

Старый дом стоял, стиснутый с обеих сторон новостройками. Покосился. Врос в землю так, что окна первого этажа в метре от нее. Со стен лохмотьями свисает облупившаяся краска непонятного цвета. Когда-то она была блестящей и зеленой. Уцелевшие стекла покрыты плотным слоем многолетней пыли. Часть окон без стекол и чернеют, словно пустые глазницы слепца. Сквозь оконные проемы видны сломанные печки, полусгнившая мебель. Всюду пыль, хлам, мусор. Да, в доме давно уже не живут. А сам он не сегодня завтра будет сожжен или сломан.

Но пока еще стоит! И мансарда Алькина на месте. Стекло в оконце есть, но от старости и пыли выглядит матовым.

Журавлев подошел к дому. Вот оно, крылечко. Вот тут мы с Алькой стояли, когда вышла ее мама и отругала меня за

то, что держу ее дочь на морозе. Сейчас доски старые, полу-сгнившие. Помнят ли они меня?

Входная дверь сорвана, валяется рядом с крыльцом. Сквозь дыру в стене видны кривые ступеньки лестницы на второй этаж.

Он зашел в дом и стал подниматься по лестнице. Каждый раз, прежде чем поставить ногу на следующую ступеньку, ощупывал ее ногой. Не дай бог навернуться. Кости-то соберешь, вот только останутся ли они целыми?

Вот и дверь в Алькину комнату. Полуоткрыта. Из комнаты веет затхлостью, сыростью, пылью. Журавлев осторожно шагнул через порог и остановился.

Если не знать, что здесь когда-то жила целая семья, не поверишь, что в этой конуре жили люди. Уж на что мала была квартирка Журавлевых в щитовом домике, но в ней, вместе с прихожей и самостоятельно пристроенной верандой, было в общей сложности метров четырнадцать. А тут? Восемь, не больше, прикинул Журавлев. Тогда, в юности, игрушечные размеры комнаты не бросались в глаза. Может быть, потому что смотрел исключительно на Альку?

Вон там, справа от окна, стояла кровать Алькиной мамы. Железная, с панцирной сеткой, с хромированными шарами на спинках. Кровати нет. Наверное, бомжи утащили в металлолом. Рядом с кроватью, сразу напротив окна, был стол. А у левой стены – диван Альки. Вот он. И сейчас стоит. Справа от входа тогда стоял старый сундук. Покатая крышка,

потемневшие железные пластины. Сейчас такой можно увидеть только в антикварном магазине. И то, если повезет. Как на нем можно было спать? Как Алька помещалась на нем? Как не скатывалась на пол? Загадка.

С низкого потолка свисает древний, еще в тряпичной изоляции, витой провод с патроном на конце. Лампочки, конечно, нет. Нет ни абажура, ни люстры. Журавлев вспомнил, что не было и тогда. И что он постоянно цеплялся головой за лампочку.

Вот и все нехитрое убранство Алькиного жилья. Даже шкафа в комнате не было. Или он был там, в углу? Там висела занавеска. Что было за ней, он тогда не знал. Какой-то шкаф, наверное, все-таки там был. Или хотя бы самодельные полки.

Еще запомнилась полочка для книг над диваном. Журавлев посмотрел на стену. На старых обоях все еще темнел след от полочки. И остались дырки от гвоздей, на которых она висела. Он вспомнил, что одной из книг была «Дэвид Копперфилд» Диккенса. Алька давала ему ее почитать. И между страницами книги попадались четвертушки тетрадных листов со стихами. Алькины стихи. Журавлев запомнил, что среди них были и очень взрослые, и откровенно наивные. Когда читал их, становилось ясно, что такие стихи могла написать только романтическая, искренняя и доверчивая девушка. Увы, время стерло из памяти все стихи до единого. Только две строки остались:

Мы подарим эту ночь друг другу!
И узнаем, что такое рай!

Журавлев вспомнил, что был удивлен, прочитав столь откровенный призыв. Вспомнил, что в нем тогда шевельнулась мысль: мне ли она написала эти строки? Вспомнил, что отверг эту мысль, как нечто невозможное и немислимое.

Журавлев снова посмотрел на диван. Старый-престарый. Наверное, Алькиной маме, зная ее нужду, отдали его в гостинице после того, как списали. Вытертая до предела обивка. Пружины просели. В самом центре дивана тогда лежало что-то наподобие салфетки. Однажды Журавлев, садясь на диван, нечаянно сдвинул ее. И глазам открылась дыра в обивке, в которой виднелись внутренности дивана. Журавлев запомнил, с каким смущением Алька поправляла салфетку. Чего смущалась? Перед ним? Который сам вырос в нищете.

Журавлев шагнул к дивану. Прикоснулся к обивке. На руке осталась сухая пыль. Он вытер руку платком и вздохнул. Если бы диван был живым, он бы вспомнил, что было на этом диване у Журавлева и Альки в новогоднюю ночь. Но это случилось позже. А в тот первый вечер в ее доме они только пили чай и разговаривали.

Альку было очень интересно слушать. Умная и начитанная, она могла со знанием предмета говорить о чем угодно. О космосе, так о космосе, о медицине так о медицине, о му-

зыке так о музыке. При этом она была предельно корректна и никогда не стремилась превзойти собеседника. Наоборот, если чувствовала, что Журавлев, как говорится, «поплыл», предельно деликатно меняла тему. Сказать что-нибудь наподобие «Как, ты не читал Монтескье?» или «Как, ты не видел “Лебединое озеро”?» она была органически неспособна. Потому что очень боялась обидеть или оскорбить.

Чай был самым обыкновенным. Не «Три слона», не «Краснодарский». И чашки на стол Алька поставила разнокалиберные. Все это не имело для Журавлева никакого значения. Потому что сам вырос в бедности. И для Альки, он это видел, бедность была данностью, которую надо просто принимать, раз нельзя ничего изменить. Потом, когда она получит образование, когда создаст семью, придет достаток и бедность закончится.

А пока Алька угощала Журавлева чаем, какой есть, и рассказывала, спрашивала. Они много смеялись, и обоим было хорошо и уютно в этом старом жилище. Журавлев ушел в тот вечер очень поздно. Практически ночью. Ни ему, ни Альке не пришлось в голову, чтобы спать вместе. Сегодня он и сам с трудом верил, что в тот вечер они не воспользовались удобным моментом. Даже не поцеловались.

Но в новогоднюю ночь это случилось. Алькина мама позвала их встретить Новый год к ее друзьям. Посидели, в полночь выпили по бокалу шампанского. А потом мама Альки сказала не терпящим возражений голосом:

– Все! Хватит среди нас болтаться да слушать взрослые разговоры. Идите! Погуляйте! Замерзнете – придете домой. Я здесь до утра останусь!

Почему ее мама так сказала? Видела, что Алька и он влюблены? Конечно, видела. Давала понять, что комната до утра в их распоряжении? Была такая продвинутая, что позволяла дочери стать взрослой?

И вот они вдвоем в Алькиной комнате. От выпитого шампанского щеки Альки порозовели. В глазах появился блеск. Журавлев запомнил, как неожиданно для себя обнял Альку и поцеловал. Ее губы приоткрылись. Сладкие, мягкие, покорные и одновременно зовущие. Не прерывая затяжной поцелуй, они не сели, а упали на диван. Потом ... Журавлев не понял, как случилось, что они легли. Как были, в одежде. Он навсегда запомнил глубокий вырез Алькиной кофточки, манящую складку между ее грудей. Запомнил, как трепетала Алька. Как вздымалась при каждом вдохе ее грудь. Как он наклонился и поцеловал ту самую складку. Как у него закружилась голова.

Журавлев поймал себя на том, что гладит старый диван, словно Алька и сейчас лежит на нем. Он выпрямился. Сделал шаг назад. Вспомнил, что уже под утро Алька предложила как-то особенно отметить этот день. И они вырезали дату на подоконнике. Слева, там, где от подоконника до стены всего сантиметров пятнадцать. Даже случайно мама вряд ли это увидит. Кухонным ножом Журавлев вырезал на под-

оконнике цифры: «01.01.82».

Журавлев шагнул к окну, наклонился над подоконником. Но как ни вглядывался, не увидел цифр. Провел по торцу подоконника рукой. Неровный. Отпилен неопытной рукой! И очень давно.

Он еще раз погладил шершавый край подоконника. Единственное материальное свидетельство того, что та ночь была, исчезло. Он представил, как Алька отпиливала край подоконника ножовкой. Наверное, она сделала это вскоре после того, как Журавлев перестал появляться. Когда поняла, что он жив и здоров. Что ему не пришлось уехать в другой город, да так срочно, что не успел ее предупредить. Просто, бесцердечно и жестоко исчез из ее жизни. Но не из памяти. Вырезанные на подоконнике цифры не мозолили ей глаза. Чтобы их увидеть, надо было отодвинуть занавеску и заглянуть на подоконник сбоку. Но одного знания о том, что эти цифры есть, хватало, чтобы они терзали ее память. Ее самолюбие. Ее гордость. Она уничтожила их, чтобы ничто не напоминало о предательстве возлюбленного. Да, наверное, так и было.

Журавлев вышел из дома и полной грудью вдохнул чистый, без затхлости и пыли забвения воздух. Где же ты теперь, Алька? В этом городе? Или судьба забросила тебя в неведомую даль? Помнишь ли ты ту волшебную новогоднюю ночь? И знаешь ли, почему мы расстались всего через три дня после нее? Волнует ли тебя это? Или скрылось давно и навсегда под пылью бытия?

Журавлев отошел от дома. Делать здесь больше нечего, но и уходить не хотелось. Ведь это почти наверняка его последнее свидание с юностью. Едва ли он приедет в этот город еще раз. А если и приедет, то вряд ли увидит эту прогнувшуюся под тяжестью лет ржавую крышу, это тусклое окно, так похожее на мутный зрачок пораженного катарактой глаза. Потому что жить старому дому осталось всего ничего.

Он сел на скамейку у соседней многоэтажки, лицом к Алькиному дому. Смотрел на него, как смотрит мудрая долгожительница на умирающую ровесницу: без слез и печали, а с тихой грустью и смирением. Из транса его вывел прозвучавший едва ли не над ухом голос:

– Не спишь, милоч?

Он открыл глаза. Напротив него на скамеечке сидела седая, как лунь, древняя старушка с высохшим от времени лицом.

– В окно тебя увидела, – пояснила она Журавлеву. – Смотрю, незнакомый кто-то ходит вокруг дома, – пояснила бабулька свое любопытство. – Потом вижу – внутрь зашел. Не бомж, чтобы чего-то там искать. Не хулиган какой, чтобы пожар устроить. Долго там был. Я уже забеспокоилась, не случилось ли чего. Вышел сам не свой. И сидишь тут, будто не в себе. Вышла посмотреть на тебя. Все ли с тобой ладно. Может, «скорая» тебе нужна?

– Все нормально! – улыбнулся ей Журавлев.

А сам едва не поежился под пристальным, пронизываю-

щим взглядом глубоко посаженных глаз бабульки.

– Жил, что ли, в этом доме? – спросила старушка. – Я всех в нем знала. Сама в нем жила. Но тебя что-то не помню.

– Нет! – покачал головой Журавлев. – Я не жил здесь.

– Значит, любушка твоя здесь жила! – сказала сообразительная старушка. – Так?

– Так! – признался Журавлев. – Дом давно расселили?

– Давненько. Лет уж, почитай, семнадцать. А то и больше.

– А чего же его не сносят?

– Говорили, что отреставрируют и клуб какой-то в нем будет. Потом сказали, что нельзя реставрировать. Потом опять, что можно. Годы идут. Дом все стоит. Скоро уж сам развалится.

– А вы не помните Алю? – с надеждой в голосе спросил Журавлев. – Она в этом доме жила.

– Альку-то? – переспросила старушка. – Да как же не помню! Помню. Была здесь такая. Красавица!

Старушка прищурилась:

– Её ищешь?

– Её, – признался Журавлев.

– Любились с ней или как? – продолжила допрос бабушка.

– Влюблен был, – глухо ответил Журавлев.

– Алька еще до того, как дом расселили, из него съехала.

Как замуж вышла, так сразу к мужу и съехала.

– Куда, не знаете?

– Нет, – сокрушенно покачала головой старушка. – Боль-

ше ее не видела.

– Что же она и мать не навещала? – удивился Журавлев.

– Мать-то у нее еще раньше умерла. Хорошая была женщина. Без мужа детей подняла. В гостинице она работала. От того и померла рано, что все силы на детей положила.

Старушка вздохнула. Вытерла глаза рукой.

– А брат? Брат Али тоже в этом доме жил.

– Витька исхитрился кооператив построить. Аккурат в тот год, когда мать померла.

– Понятно, – кивнул головой Журавлев.

– Говоришь, любил Альку? – продолжала допытываться старушка.

– Любил...

– А чего же не женился?

– Да вот... Так получилось.

– Жалеешь теперь?

– Поздно уже жалеть! – ответил Журавлев. – У меня семья и у нее. Дети выросли. Она, может быть, уже бабушка. Меня не сегодня завтра дедом сделают.

– Так-так, – согласно закивала старушка. – Все верно говоришь. Живешь-то где? В нашем городе? Или каком другом?

– В другом. Далеко.

– Ну вот. Далеко, а приехал. Не просто так, я думаю. А зачем?

– Повиниться перед ней хотел, – проговорил Журавлев,

опустив голову. – Что обидел ее тогда. Совесть совсем замутила. Спать не дает.

– Оставь! – строго сказала старушка. – Пустое это. Жизнь, почитай, прожита. Всякая боль давно забылась. Все раны на сердце зажили. У кого рубцом, у кого жиром затянуло. Нечего их бередить.

– Я все-таки попробую ее найти! – ответил Журавлев, поднимаясь со скамейки. – Спасибо за беседу. До свидания. Здоровья вам.

– Ступай с богом! – перекрестила его старушка.

Следующие полчаса, а может быть, и больше, Журавлев бродил по городу, безуспешно пытаясь найти в нем знакомые места. Но нашел только одно. Когда вышел к реке.

Набережная с тех пор изменилась до неузнаваемости. Полностью оделась в гранит. Опрятные дорожки, стриженные тополя. Там, где река совершает крутой поворот, Журавлев остановился как вкопанный. Здесь! Вон там, на самом краю мыса стояло кафе. Собранное на скорую руку из гофрированного, как шифер, синего пластика, круглой формы и с плоской крышей, заведение с вывеской «Кафе “Улыбка”» вошло в историю города с намертво прилипшим к нему ироничным названием «Шайба». Здесь можно было выпить кофе или пива. Но главной достопримечательностью «Шайбы» был музыкальный автомат. Бросаешь в него монетку, нажимаешь кнопку с названием выбранной песни и сквозь прозрачный колпак видишь, как механическая рука достает

нужную пластинку, аккуратно кладет ее на диск, как опускается на нее звукосниматель. И заказанная песня звучит над всей набережной.

Журавлев вспомнил, как он и Алька, замерзшие до синевы, спрятались от холода в этом кафе. Как они грели покрасневшие руки о горячие чашки кофе. Крошки пирожного на губах Альки. Как она слизывала их язычком. Вспомнил песню, которую поставил для нее на автомате:

Мне казалось, что я тебя знаю,
Мне казалось, я все понимаю.
Почему же теперь оказалось,
Что мне все это только казалось?

Журавлев вспомнил, будто это было вчера, что почувствовал в нехитрых словах песенки пророчество, и невольно посмотрел на Альку. А из автомата уже несло:

Знаю я, что сама в том виною,
Что зима мне казалась весной,
Небо в тучах казалось мне чистым,
А чужой человек – самым близким!

– Боже мой! – прошептал Журавлев. – Почему я выбрал тогда именно эту песню? Ведь она никогда не была слишком популярной. Как, например, «Восточная песня». Почему при этих словах посмотрел на Альку? Да еще запомнил

это на всю жизнь! Неужели в ту минуту я уже знал, что мы расстанемся? Знал, но еще не осознавал?

Алька тогда не обратила внимания на жестокие слова песни. Они отогрелись, съели пирожные, допили кофе и снова вышли на мороз.

Кафе давно уже нет. И немного осталось в городе людей, которые помнят, что оно здесь было.

Журавлев прошел по набережной, сел на скамеечку лицом к реке. Широкая и неторопливая, река величественно катила покрытую лёгкой рябью воду к морю. На реке кипела жизнь. Сновали взад и вперед шустрые катера, скользили, словно водомерки, «Метеоры», важно проплывали большие, глубоко просевшие в воду сухогрузы. Справа и слева, там, где вдоль реки вытянулись бесконечной цепочкой причалы, вонзались в низкое северное небо мачты лесовозов.

К скамейке подошла полная женщина, села поодаль от Журавлева и стала колдовать над фотоаппаратом-мыльницей. Она уже давно ходила по набережной, часто подносила фотоаппарат к глазам и фотографировала реку. Теперь, видимо, пришло время очистить аппарат от мусора. Оставить в нем одни только шедевры. Вдруг она повернулась к Журавлеву:

– Мужчина! Вы меня извините, пожалуйста! Не сможете разобраться с этими дурацкими кнопками? Как здесь посмотреть, что я нафоткала?

И протянула ему аппарат.

Журавлев покрутил мельницу. Прimitивная игрушка. Рассчитана как раз на пенсионерок. Он включил режим просмотра, протянул аппарат женщине.

– Держите!

Но она не пошевелилась. Только пристально смотрела в лицо Журавлева.

– Борька! Ты? – удивленно спросила она.

Журавлев вытаращился на нее.

– Я, наверное, обозналась, – добавила женщина, смущенная его молчанием. – Извините.

Она взяла фотоаппарат и поднялась, чтобы уйти, когда Журавлев вскочил на ноги и схватил ее за руку:

– Таня? – весело спросил он. – Рыкова?

– Журавлев? – просияла Таня.

– Он самый!

– Ты откуда взялся-то? Я знаю, что как уехал после училища, так и не был здесь ни разу.

– Не был, да приехал! Соскучился!

– По кому?

– По городу! По землякам! По одноклассникам!

– Ты что? Видел кого-нибудь?

– Нет! Ты первая! Но если бы не эта встреча, я все-равно стал бы искать одноклассников. Ведь больше у меня здесь никого нет.

Они сели на скамейку.

– Это просто чудо какое-то! – удивленно покачала головой

Таня. – Нарочно не придумаешь. Мы же вечером собираемся у меня!

– Кто – мы?

– Все, кто есть в городе из нашего класса. Каждый год у меня собираемся. Вспоминаем тех, кто уехал. Кого уже вряд ли увидим. Тебя в том числе. Много таких набирается. И вдруг: на тебе! Борька Журавлев, оказывается, здесь! Чудо, да и только!

Таня засыпала его вопросами. Ее интересовало все: где учился, когда женился, сколько детей, есть ли внуки, где работаешь, сколько зарабатываешь. Он сначала отвечал, а потом шутливо поднял руки:

– Таня! Прекрати! Если сейчас все расскажу, что буду делать вечером?

– И то верно! – согласилась с ним Таня и посмотрела на часы. – Мне пора. Я на прием записана к стоматологу. Вышла пораньше, чтобы поснимать. Видишь, фотографом заделалась. У меня ВКонтакте больше тысячи фоток выложено. Зайди как-нибудь. Посмотри.

– Обязательно! – клятвенно пообещал Журавлев.

– Сотовый есть? – строго спросила она. – Доставай!

Журавлев занес в память мобильного адрес и телефон Тани, клятвенно пообещал, что в шесть, как штык, будет в ее доме, и они попрощались до вечера. Таня помахала ему рукой и пошла по Набережной. Журавлев с улыбкой смотрел ей вслед. Надо же так встретиться! Будет что рассказать же-

не! Подбросить хвороста в ее и без того неугасающий костер ревности.

Глава третья

– Ну, наконец-то! – воскликнула Таня, открыв Журавлеву дверь. – Чего опоздал? Мы уже давно за столом. Я всем сказала, что у меня есть для них сюрприз. Ждут, спрашивают. А мне сказать нечего. Не знаю, придешь или нет. Да ты заходи!

Она отступила в сторону, и Журавлев шагнул в квартиру. По количеству обуви в прихожей было ясно, что в доме много гостей.

– Тапочки кончились! – сказала Таня, когда Журавлев попытался снять туфли. – Иди так. Половина мужиков сидит, в чем пришли. Сегодня можно. Такой день раз в году бывает.

Она взяла Журавлев за руку и повела по коридору в сторону комнаты, из которой доносился шум застолья.

– Постой здесь! – приказала Таня, когда они подошли к гостиной. – Сначала я им кое-что скажу.

Журавлев послушно остановился. Таня шагнула в комнату:

– Друзья! Прошу минуточку внимания!

Шум за столом заметно стих.

– Я обещала вам сюрприз!

– Было такое! – ответил ей густой баритон. – И где же он?

– И сколько в нем градусов? – добавил кто-то и засмеялся своей шутке.

– У тебя одни только градусы на уме, – пристыдила шут-

ника, судя по строгости в голосе, учительница.

– Тихо! – крикнула Таня. – Всем закрыть глаза.

– Мы закроем, а ты тем временем бутылки со стола уберишь, – высказал свои опасения все тот же любитель выпить.

– Я что сказала? – ответила Таня, добавляя в свой голос властные нотки. – Закрыли глаза!

И, повернувшись к Журавлеву, кивком позвала его войти в комнату.

Журавлев послушно подчинился. В комнате, за составленным по меньшей мере из трех штук столом, сидели мужчины и женщины. Все с закрытыми глазами. Все одних с ним лет.

– Открыли глаза! – скомандовала Таня.

– Кто это? – спросил упитанный мужчина с красным лицом, в клетчатой рубашке и цветастом джемпере. На воротнике джемпера лежала тощая, перехваченная банковской резинкой косичка. На плече толстяка висел «Никон» с огромным объективом.

– Неужели кто-то наш? – спросила строгого вида женщина со старомодной прической.

– Наш не наш, но сначала мы его увековечим! – сказал краснолицый и навел на Журавлева фотоаппарат.

– Ну я, например, сразу его узнала, – заявила дородная горбоносая дамочка с темнеющей полоской усиков на верхней губе, что сидела в центре стола. – Но не скажу, пока не спросят.

И склонилась над салатом, от которого ее некстати отвлек приказ Тани закрыть глаза. Со всех концов стола раздались голоса:

– Я не знаю, кто это, – призналась розовощекая и круглолицая дамочка.

– Я тоже не помню, – присоединилась к ней ее тощая соседка.

– Ленька Беляев? – то ли спросил, то ли высказал свое мужчина в сером, сильно поношенном костюме, рубашке в полоску и со сползшим набок галстуком. Кучерявые волосы, смуглое лицо и золотая серьга в ухе делали его похожим на старого, отошедшего от дел пирата.

– Ты что? С ума сошел? – зыркнул на него недобрый усач. – Леньку года три, как похоронили.

– Да это же Борька! – вскочил со своего места длинный и нескладный мужчина в свитере. – Борька Журавлев! Угадал?

И повернулся к Тане.

– Угадал! – обрадовала его Татьяна. – Перед вами Борис Журавлев! Собственной персоной!

– Где ты его нашла? – спросил чей-то голос. – Он живет за тыщу верст отсюда!

– Как ты его отыскала? – поддержал другой.

– Ну, Танька, ты молодец! – восхищенно произнес еще кто-то. – Каждый раз чем-нибудь да удивишь!

– Садись рядом со мной, Боря! – пригласил его тот, в голосе которого Журавлев узнал пристыженного Таней люби-

теля выпить. – Треснем по рюмахе за встречу!

– К тебе я его не пушу! – решительно возразила Таня. – Садись вот здесь, Боря. Всех узнал?

– Что значит садись? – возразила усатая, оторвавшись от салата. – Неправильно это! Пусть сначала скажет, кто есть кто. Мы его узнавали, теперь посмотрим, как он справится. Тогда и примем в компанию.

– Поддерживаю, – согласился с ней картавый блондинистый мужчина со сверкающей, во всю голову, лысиной.

Если бы не картавость, Журавлев никогда и ни за что не узнал бы в нем комсомольского активиста и своего главного конкурента на математических олимпиадах.

– Саша Баракин? – осторожно спросил он.

Справа от него снова мелькнула вспышка фотоаппарата. Толстяк усердно фиксировал историческую встречу.

– Я же всегда говорил, что хорошего человека лысина не портит! – довольно проговорил картавый. И обвел всех самодовольным взглядом.

– Молодец! – похвалила Журавлева Таня. – Перед тобой один из главных энергетиков города.

Неудивительно, подумал Журавлев. Папа у Сашки был большой шишкой как раз в энергетике. Подготовил себе смену.

– А вообще Саша очень разносторонняя личность. Он и психолог, и экстрасенс, и... Саша! Кто ты еще?

– Уфолог, – с улыбкой произнес Баракин.

– Саша умеет лечить души, – продолжала Таня. – Так что, если есть нужда поправить что-то в судьбе, – обращайся к нему.

– Только смотри, Боря! – предупредительно поднял палец пират. – Не пришлось бы пожалеть! Если есть какие-то тайны, в том числе сердечные, – лучше не ходи к нему. Сашка – он такой! Влезет в душу и все твои потроха на всеобщее обозрение выставит!

– Ты-то откуда знаешь? – фыркнула горбоносая. – Был у него?

– Был! – подтвердил Баракин, загадочно улыбаясь.

– Ну-ка, поведай, что же такое особенное ты в глубинах его мозга увидел? – нахмурилась обладательница усов.

– Не могу! – уже серьезно ответил Баракин.

– Тайна исповеди! – понимающе кивнул краснощекий толстяк.

– Какие в этой голове, прости господи, тайны? – покачала головой усатая леди. – Разве что признался, как в бытность боцманом спер со своего парохода бочку краски «слоновая кость». Хорошая была эмаль! Польская!

– Ты откуда знаешь? – прищурился недобрый.

– Он мне ее на ремонт давал.

За столом раздались смешки.

– Так ты был расхитителем социалистической собственности? – развеселился недобрый. – А вы все – подельники Костяна?

– Не подсказывать! – хлопнула ладонью по столу Таня.

– Да я вижу, что Боря его уже узнал! – стал оправдываться недобрый.

– Костя Смурной! – сказал Журавлев, глядя на пирата.

Пират утвердительно кивнул.

– Наш моряк! – сказала про него Таня.

Журавлев вспомнил, что видел однажды Костю в Питере. Через несколько лет после школы. Он знал, что Костя выучился на матроса первого класса и плавает за бугор. Журавлев ехал в трамвае и, когда заметил на улице молодого смуглого парня в белом костюме, сразу узнал в нем одноклассника. Такой костюм в те времена можно было купить только за границей. Потому носили их исключительно моряки. Трамвай проехал, и пообщаться с Константином не удалось.

– Нечестно! – возмутилась сторонница трезвого образа жизни. – Ему подсказали!

– Да ладно ты! – примирительно сказала дама с усами. – Не мешай! Давай, Танюша! Действуй!

Таня показала на высокую, с прямой спиной моралистку. Губы поджаты. Сквозь стекла очков пристально смотрят строгие глаза. Первое впечатление отрицательное. Почему-то кажется, что она недовольна жизнью. Не только своей, но вообще как явлением.

– Ну! – теребила Журавлева Таня. – Кто это?

– Затрудняюсь! – виновато улыбнулся Борис, судорожно

перебирая в голове одноклассников, зримо представив их сидящими за партами. – Люся Третьякова?

– Ну, ты сказал! – торжествующе ответила Сашкина соседка.

Было непонятно, чего в ее голосе больше: удовлетворения тем, что за прошедшие годы она изменилась до неузнаваемости, или наслаждения от того, что Журавлев прокололся. Сидящие за столом оживились.

– Ну что ты! – с легким сожалением сказала Таня. – Люсе не до нас. В Москве живет. В главном оркестре страны на скрипочке играет.

– Тогда... – наморщил лоб Журавлев. – Валя Красина!

– Пальцем в небо! – хохотнул самый крупный из мужиков, сидящий ближе всех к бутылкам. – Но имя угадал.

– Не подсказывать! – строгим, скрипучим голосом сверкнула на него стеклами очков недовольная жизнью. И резко дернула рукой. Будто бьет указкой по столу.

«В классе было две Вали!» – вспомнил Журавлев. И уже уверенно ответил:

– Валя Сайрина!

– Слава богу! – облегченно вздохнула Таня. – Узнал! Перед тобой завуч нашей родной школы!

Валя скривила губы. «Завуч! – подумал Журавлев. – А как же мечта? С какой уверенностью она заявляла, что пойдет учиться в геологический институт. Там же сплошная романтика! Экспедиции, мошкара, палатки. И песни у костра

под гитару. Все или почти все в классе ей завидовали. Даже стыдились, что их мечты и представления о взрослой жизни откровенно приземленные. А что в итоге? Куда делись возвышенные порывы? У Зоси в “Золотом теленке” Ж они закончились носками с двойной пяткой. А у Вальки – тетрадками с каракулями двоечников».

Таня вернула Журавлева к действительности.

– Это? – спросила она, показывая на соседку Сайриной.

– Вера Карташевич! – не раздумывая ни секунды, ответил Журавлев.

– Меня да не узнать! – рассмеялась Вера. – При моем-то рубильнике!

– Угадал! – подтвердила Таня. – Для нас Вера. А для кого-то Вера Иосифовна. Потому что она у нас – первый заместитель директора банка. Идем дальше. Это кто?

И показала на розовощекую и круглолицую женщину.

– Ну, это Лида Болейко! – снова уверенно сказал Журавлев. – Только что-то я ее сестричку не вижу.

Сестры Болейко не были близнецами. Да и внешне совсем не были похожи одна на другую. Погодки. Но учились в одном классе.

– Оля в Космогородке живет, – ответила Лида, довольная тем, что Журавлев ее узнал. – Не смогла приехать. А очень хотела.

– Не тормозим! – подтолкнула Журавлева Таня. – Рядом с Лидой кто?

Журавлев посмотрел на тучного, с нездоровой краснотой на щеках мужчину. «Кто же этот любитель фотографии? В классе вроде бы таких не было. Взгляд голубых глаз открытый, хотя и с прищуром. Будто оценивает тебя: на что ты годен? Но улыбка располагающая. Как у всех гэбэшников», – почему-то подумалось Журавлеву.

– Ну, давай, Боря! – подбодрил его толстяк. – Смелее! На соседних партах сидели.

«На соседних? – напрягся Журавлев. – Спереди сидели Замираев и Шелстяков. Но это не Замираев. У того шрам на верхней губе. Шелстяков чуть ли сразу после школы умер. Сзади сидели Хамусов и Телков. Неужели это Хамусов? Вроде не похож».

– Телков? – наугад спросил Журавлев.

– Молодец! – снова похвалила его Таня. – Главный инженер судоремонтного завода.

– Бывший! – поправил ее Телков. – На пенсии я, Боря.

– А еще он – мой главный конкурент по части фотографий, которые ВКонтакте да Одноклассниках вывешивает, – улыбнулась Таня. – Как ни стараюсь, у него все равно больше!

– Идем дальше! Это кто?

– Галя Овечкина!

Ее было невозможно не узнать! Хотя и набрала вес и из хрупкой девчушки превратилась в солидную даму, лицо почти не изменилось. Те же алые губки бантиком, тот же ру-

мянец на полных щечках.

– Галя в детском саду работала, – пояснила Таня. – Теперь на заслуженном отдыхе.

С соседом Гали у Журавлева тоже не возникло проблем. Сухощавый мужчина в коричневой джинсовой рубашке с накладными карманами, с коротко остриженными волосами и приветливой улыбкой на загорелом лице был очень похож на того паренька, с которым виделись не только в школе, но и на хоккейной коробке во дворе.

– Женя Тиханов! – уверенно сказал Журавлев.

– Он! – кивнула Таня. – Отслужил в милиции-полиции. Теперь бизнесмен. Говорят, что его оздоровительный центр – самый лучший в городе. Не была, не знаю.

– Если хочешь омолодиться – тебе к нему! – хихикнул Телков.

– Жену омолодить можешь! – добавил Костя. – Ты с ней приехал?

– Один.

– Ну ты, Костян, сказанул! – рассмеялся недобрый. – В Женькин салон с женой? Это как в Тулу со своим самоваром!

Женя смеялся, словно речь идет о том, к чему он не имеет никакого отношения.

– Приходи, Боря! – сказал он Журавлеву. – Не пожалеешь!

– Вместе пойдем! – добавил недобрый. – Костяна еще возьмем. И Сашку. Как в прошлом году.

– Так вы тут все – старые развратники! – притворно ужас-

нулась Вера.

– Ты чего? – уставился на нее недобрый. – С дуба упала? Здоровым мужикам нельзя, по-твоему, в баню сходить?

– Знаю я ваши бани! Не столько моетесь, сколько пьете, пока девчонки глупые вам это самое делают...

– Что «это самое»? – нахмурил брови недобрый. – Ничего непристойного! Классический эротический массаж – да! Но не больше!

– Да ладно ты! – махнула на него Вера. – А то я не знаю!

– Ты, Вера, сказанула! – затрясся от смеха Смурной. – Прямо как в анекдоте. Муж говорит жене: «Завтра у меня мальчишник. Жена ему: «Не поедешь! Будете там с бабами вошкаться!» Он ей: «Какие бабы? Это же мальчишник!» А она ему: «Думаешь, я на мальчишниках не была?».

– Следующий кто? – спросила Таня, дождавшись, пока гости отсмеются.

Сосед Тиханова, длинный и нескладный мужчина улыбался, но в его улыбке было что-то неискреннее. И глаза! Он избегает смотреть в глаза! Таких, как он, суетливых, несвязно бормочущих, назойливо набивающихся в друзья, но способных подвести, сбежать от опасности, оставив друга в беде, в классе было двое. Один из них Колька Вралов. Но у Вралова на щеке была большая родинка. У этого нет.

– Гена Данилов!

– Точно! – подтвердила Таня. – Я не помню, Гена, ты где работаешь?

– Инженер смены на ликеро-водочном заводе! – ответил Данилов.

– Генка! – воскликнул окруженный бутылками здоровяк. – Ты же в автопарке работал!

– Недавно перешел.

– И скрывал? Ну, Генка... – здоровяк укоризненно покачал головой. – Запомним!

– Не отвлекай, Вася! – одернула здоровяка Таня и рассмеялась.

– Ну вот, – недовольно дернула плечами Сайрина. – Опять подсказала!

– Да ладно ты! – отмахнулась Таня. – Боря забудет, пока до Васи дойдем. Кто рядом с Генкой?

Крупный мужчина с недобрим лицом бросил на Журавлева сумрачный взгляд и отвел глаза.

– Не знаю! – признался Журавлев.

– Ну вот! – разочарованно произнесла Таня. – Ты не торопись! Приглядиись получше!

– Нет! – покачал головой Журавлев через минуту. – Не знаю.

– Ну, хотя бы наугад скажи! – попросила Лида.

– Не парься, Борька! – сказал недобрый. – Старков моя фамилия.

Журавлев от удивления едва не присвистнул. Старков! Главный фарцовщик школы! У него всегда можно было купить жвачку и сигареты. Но даже одноклассникам он прода-

вал их без скидки. Интересно, чем он теперь занимается?

– Петруша у нас специалист по охранным системам, – словно отвечая на его вопрос, сказала Таня. – Остались трое. Это кто?

Осанистый мужчина в строгом костюме, с горделивой посадкой головы и длинными, до плеч, волосами, смотрел на Журавлева и приветливо улыбался привыкшего к обожанию артиста. Но Журавлев никогда не слышал, чтобы кто-то из их класса стал актером.

– Ну! – тормозила его Таня. – Давай скорее! Неужели не узнаешь?

– По голосу узнает! – сказал кто-то. – Пашка! Молви словечко!

– Паша? Капитонов? – ухватился за подсказку Журавлев.

– Все верно! – густым чистым баритоном ответил добряк. – Это я!

– Паша у нас самый известный человек в городе! – гордо сказала Таня. – Диктором на радио работает. Каждое утро его голос слышим. Идем дальше. Это?

Журавлев улыбнулся стройной невысокой женщине. Она смущенно опустила голову. Ну конечно, ты всегда была стеснительной.

– Галя Окнина, – уверенно сказал он. – Известная гимнастка.

Галя смущенно улыбнулась Журавлеву.

– Насчет известности не знаю, – ответила Таня. – Но это

она. Ну вот, остался один неопознанный. Кто это?

– Васю Чушкина да не узнать! – засмеялся Журавлев довольный тем, что затянувшийся экзамен завершен.

– Молодец, Боря! – похвалил его прячущийся за бутылками здоровяк. – Я банщиком работаю. Приходи. Как одноклассника, отделаю веничком от души. А сейчас садись! Пора по чарке выпить! А то из-за твоего экзамена во рту пересохло!

Таня усадила Журавлева между Галей Овечкиной и Женей Тихановым. Дружно выпили за встречу.

– Ну, признавайся, Боря, кем трудишься? – спросил Телков, цепляя на вилку грибочек. – Чем добываешь себе на хлеб насущный.

– Да так... В охране...

– Почему не на себя? – скрипучим голосом спросила Сайрина.

– Да какой из меня бизнесмен! – признался Журавлев. – Не мое это! Не пытался даже.

– Надо было попробовать! – назидательно сказал Старков.

– Ты, Петюня, пытался! – хихикнул Вася. – Да что-то не преуспел! В детстве с фарцовкой у тебя неплохо получалось, а с настоящим бизнесом не вышло!

– Чья бы корова мычала! – огрызнулся Старков. – Всю жизнь чужие задницы намыливаешь, а тоже туда же!

– Я непростые задницы намыливаю! – гордо ответил Вася. – Знаешь, с какими людьми я ручкаюсь? Ты с такими

людьми рядом не стоял!

– И что ты с этого имеешь? – хмуро спросил Данилов.

– Что имею, то моё! – отрубил Вася.

– Пиво за ними допивает! – негромко, но так, чтобы все слышали, сказал Старков. – Да яйца им чешет.

Вася побагровел. Вилка выпала из его руки и со звоном упала в тарелку. Рука сжалась в кулак. Еще немного – и быть беде.

– Мальчики! – хлопнула ладонью по столу Таня. – Прекратить сейчас же! Я вас не для того собрала, чтобы вы тут пальцы гнули да разборки устраивали.

– Прекратите, мужики! – поморщившись, проговорил Баракин.

– Давай-ка, Вася, начисли нам грамм по пятьдесят! – с наигранной бодростью в голосе поддержал его Телков. – Треснем за нерушимую мужскую дружбу!

Вася разжал кулак. Потянулся к бутылке.

– Петухи! – неодобрительно фыркнула Сайрина.

– Спокойно, Валя! – осадил ее Вера. – Ты не в школе. У нас дневников нет, чтобы замечания в них писать да родителей вызывать!

И повернулась к Журавлеву:

– Про семью нам расскажи, Боря! Сколько раз женат?

– Один, – улыбнулся ей в ответ Журавлев.

– И только? – удивленно вскинула брови Вера. – Как тебе удалось найти свою единственную?

– Да вот, удалось.

– Детей сколько нарожали? – не унималась Вера.

– Одна дочка у нас. Замуж собирается.

– Не думаете вы о демографии, – вздохнула Вера.

– Ну, дамы и господа! – поднялся Телков с наполненной до краев рюмкой. – Предлагаю выпить за то, чтобы наша спаянная и споенная компания только прирастала такими классными мужиками, как Боря!

– И девочками! – встрял Костя.

– Кто о чем, а вшивый о бане! – метнула на него сердитый взгляд Сайрина.

– Я же, Валя, имел в виду не малолеток каких, – обиженно скривил губы Костя. – Я про таких, как ты! Целеустремленных!

– Извинение принимается! – постановила Вера, поднимая рюмку. – За нас!

Выпили. Склонились над тарелками. Забрэнчали вилками.

– А кто ещё их наших есть в городе? – спросил Журавлев у Гали.

– Надя Сталькова, – ответила вторая красавица класса, – Таня ее приглашала. Но она на встрече всего один раз была. В прошлом году. Не хочет с нами встречаться. А больше, по моему, никого.

В коридоре зазвенел телефон. Таня вышла из комнаты.

– Боря! – вернулась к разговору Вера. – Чем, кроме рабо-

ты, занимаешься? Дача есть?

– Нет! – покачал головой Журавлев.

– Что так?

– Мы же сначала на Крайнем Севере жили, – пояснил Борис. – Какие там дачи. А когда южнее перебрались, уже поздно!

– Никогда не поздно! – возразил Данилов. – Вот приедешь на мою дачу, увидишь!

– Да! – сказала Вера. – Мы здесь – все дачники. Конечно, таких дач, как у Гены, ни у кого нет. Но тем не менее.

– Не все! – поправила Веру Сайрина. – У меня дачи нет. И не будет! Потому что мне не надо!

– Не прибедняйся, Вера, – сказал Смурной. – Видел твой терем.

– Так я сколько лет его строила да до ума доводила!

– Но построила же?

– Построила!

– Ну вот! – усмехнулся Баракин.

– Что, вот? – наклонилась к нему Вера. – Что ты хочешь сказать?

Ответить Сашка не успел. Вернулась Таня и все сразу почувствовали: что-то произошло.

– Дочка Нади Стальковой позвонила, – ответила Таня на немые вопросы в глазах одноклассников. – Вчера вечером Надю убили...

– Оба-на! – произнес Смурной.

– За что? – вырвалось у Телкова.

Старков бросил на него неодобрительный взгляд. Потом повернулся к Тане:

– Как это случилось?

Вопросы посыпались на Таню со всех сторон:

– Где?

– Кто это сделал?

– Что Леночка рассказала?

– Убили в ее квартире, – грустно заговорила потрясенная Таня. – Леночка говорит, что звонила маме позавчера вечером. Часов примерно в восемь-девять. Точно не помнит. Спрашивала рецепт ее фирменного пирога. Когда испекла пирог, звонила еще раз. Говорит: хотела похвастаться, что все получилось. Не дозвонилась. Леночка решила, что мама вышла прогуляться, а мобильник, как это часто с ней бывает, оставила дома. Потом Леночка занималась своими делами и больше не звонила. Но утром почувствовала непонятную тревогу. Говорит: появилось такое чувство, что с мамой что-то случилось. Позвонила. Телефон не отвечает. Потом позвонила снова. Опять ничего. Поехала к маме. Зашла в квартиру и увидела, что она лежит на полу в кухне. Мертвая.

– Почему она решила, что маму убили? – спросил Баракин. – Может быть, сердце прихватило.

– Говорит, что голова у мамы была повернута, будто ей шею свернули. А потом, уже в морге, врач сказал, что ее задушили. Руками. Кто-то очень сильный.

– Вот тебе и раз! – проговорил Вася. – Повеселились!

– А кто убил? – спросила Галя Окнина. – Грабитель?

– Леночка говорит, что ничего не украдено, – сказала Та-

ня.

– Когда Леночка звонила Наде вечером, та не сказала, что кого-то ждет? – задала следующий вопрос Вера.

– Или что у нее уже кто-то есть в гостях? – добавил Данилов.

– Не знаю. Но она говорит, что мама с кем-то пила чай. Две чашки на столе.

– Как дочка в квартиру попала? У нее ключ был? Или дверь не была заперта? – спросил Старков.

– Конечно, ключ был! – вместо Тани ответила ему Вера. – У меня тоже есть ключ от маминой квартиры. Это нормально.

– Сначала обычно звонят в дверь, – внушительно заметил Телков.

– Не знаю, звонила она в дверь или нет, – призналась Тая. – Лена говорит, в прихожей обратила внимание, что мамина обувь на месте. Значит, она дома. Позвала ее. Никто не отзывается. Ноги идти отказываются. Стали как ватные. Но собралась, пошла. Нашла маму в кухне. На полу.

– Одежда на ней была в порядке? – это спросил уже Телков.

– Ее не изнасиловали? – робко, словно стыдясь своего вопроса, произнесла Окнина.

– Я первым делом ее об этом спросила. Леночка говорит, что все было в порядке.

– Сто процентов, что ее убил любовник! – заявила Вера, выковыривая из зубов останки кальмара. – Ничего не украдено. Когда ее убили?

– Эксперт сказал Леночке, что примерно за десять – двенадцать часов до вскрытия. То есть после десяти часов вечера. Леночка говорит: значит, когда я ей звонила второй раз, она уже была убита!

– Ну, точно, это был любовник! – воскликнула Вера. – В такое время в квартире одинокой женщины может быть только любовник. Если бы это был вор, бандит, налетчик какой-то, в квартире был бы хоть какой-нибудь бардак! А Таня говорит, что все было в порядке.

– Не я говорю! – поправила ее Таня. – Так Леночка сказала.

– Какая разница!

– А если это был родственник? – высказала свое мнение Лида.

– Чушь! – опровергла их Вера. – Конечно, если среди ее родственников есть круглый идиот, то мог. Но я в это не верю! Любовник – и никто другой! Тут и к бабке не ходи! Надя, царство ей небесное, любила это дело. Сашка! Подтверди!

– А я здесь при чем? – удивленно, и даже с выражением оскорбленной невинности на лице, вытаращился на Веру Баракин. – Откуда мне знать?

– Не темни, Сашок! – хихикнул Старков. – Раз Вера говорит, значит, что-то было! Признавайся!

– Не было у меня с ней ничего! – зло ответил Баракин.

– Оставьте Сашку в покое! – властно сказал Старков. – Чего достаете мужика? Если уж кого спрашивать о Надьке, так Костяна. Он по ней слюни пускал!

– Костя! Поведай одноклассникам, что думаешь об этом деле? – спросила Вера.

– Ничего не думаю! – огрызнулся Смурной.

– Но ведь ты с ней дружил!

– В детстве! – уточнил Баракин.

– Дружил! – ядовито усмехнулся Старков. – От такой дружбы дети бывают!

– Перестань, Петя! – сверкнула на Старкова стеклами очков Сайрина. – И вообще пора прекратить этот балаган!

– Ты, Валя, в школе командуй! – покосился на нее Старков. – А здесь ты не завуч, мы не ученики!

– Валя права! – поддержала Сайрину Таня. – Вам все хихоньки да хаханьки. А Надя, между прочим, в морге лежит. В холодильнике.

Пристыженные одноклассники уткнулись в свои тарелки. Но молчание длилось недолго.

– Женя! Как ты думаешь, убийцу найдут? – тихо спросила Окнина.

– Да, Женька! – поддержал ее Старков. – Ты же мент. Хотя и бывший. Что там ваша статистика говорит?

– Обычно такие дела раскрывают, – серьезно ответил Женья.

– В восьми случаях из десяти, – уточнил Баракин. – Статистика!

– Почему не все? – наивно вытаращилась на него Окнина.

– Потому что ментам лень! – заявил Телков.

– Можно я объясню? – как на уроке, поднял руку Баракин. – Дело в том, Галя, что принцип раскрытия убийств – определить, кому это выгодно. То есть исходят из того, что убийца знаком с жертвой. Родственник, друг, коллега по работе, сосед, ну и так далее. Такой убийца изначально в числе подозреваемых. Или проверяемых, не знаю, как правильно. И его рано или поздно поймают. Если преступник убил кого-то незнакомого... Случайного прохожего, например, то уже сложнее. Таких, если он не серийный убийца, редко находят. А при заказных убийствах, когда килер не знаком с жертвой и вообще живет в другом городе, приехал выполнить работу и уехал. В таких случаях вообще все плохо.

– А принцип: кому выгодно? – спросила Сайрина.

– У тех, кому выгодно, железное алиби. Тут простая схема не работает. Нужны какие-то особенные усилия. Знания. Опыт. И черт его знает, что еще. Желание, наконец!

– Теоретик хренов! – буркнул на Сашку Смурной. – Чего мы тут мусолим? Тоже мне, Шерлоки Холмсы да миссисы Марплы. Давайте лучше выпьем! Помянем усопшую!

– Да-да! – встрепенулся затосковавший Вася Чушкин. –

По полной рюмочке. Пьем до дна. Зло не оставляем. И не чокаемся.

– Да погодите вы! – одернула страдающих от жажды Вера. – Не терпится им! Вам лишь бы повод был.

Усмирив бунтовщиков, она повернулась к Баракину:

– По твоей теории, Саша, убийцу обязательно поймают! Ведь он был знаком с Надей! Значит, окажется в списке подозреваемых! А дальше, как ты говорил, дело техники!

– Так ведь с Надей и мы знакомы! – тихо, но так, что все услышали, проговорила Галя Окнина.

– И что? – непонимающе уставился на нее Старков.

– Значит, мы все под подозрением, – ответила Галя. – Уже. Или скоро будем.

– И ко всем нам придут повестки! – добавил Смурной.

– Размечтался! – хохотнул Вася. – Повестка к нему придет! Станут менты на тебя бумагу изводить! На «воронке» придут! Прямо из дома заберут. Сашку с работы. Тебя, Вала, из школы. Представляешь картинку: тебя ведут по коридору школы в наручниках? На глазах всех твоих учеников!

– Прекрати, Вася! – Таня укоризненно посмотрела на Васю, и он заткнулся.

– Да, девочки и мальчики! Не надо шутить на такую тему! – поддержал ее Телков.

Все притихли. На некоторое время за столом снова воцарилась тишина, которую нарушал лишь хруст куриных косточек на зубах Веры да постукивание по столу пальцев Тел-

кова. Обычно в такой ситуации кто-нибудь прерывает молчание репликой: мент родился! Но после Таниного осуждения Васиной выходки пошутить никто не осмелился.

Тишину прервал глубокий вздох Гали Окниной:

– А у меня нет алиби! – негромко, одними губами прошептала она.

– Откуда ты знаешь? – подозрительно посмотрел на нее Баракин. – Ведь время убийства неизвестно.

– Таня говорит, это случилось вчера, – обреченно пояснила Галя. – А я вчера весь день одна дома была. Никуда не выходила. Никто меня не видел. Ни с кем по телефону не говорила. Подтвердить, что весь день дома просидела, некому.

От ее слов все вздрогнули и невольно уставились на нее. Но тут же опустили глаза и задумались. Вера перестала жевать. Телков убрал руку со вздрагивающими пальцами со стола. Баракин провел ладонью по лысине, словно приглаживал на ней последний волосок. До Гали никто не задумывался о своем алиби. Шутка Василя никого не насторожила. Только после слов Окниной все погрузились в раздумье. Первой пришла в себя Вера:

– Не переживай, Галя! – сказала она с нервическим смешком. – Мы же знаем, что убивал мужик. Да и кто подумает, что убийцей может быть такая пигалица, как ты? Из всех женщин, что сидят за этим столом, на роль убийцы подхожу только я! Но у меня как раз железное алиби! Мы вчера всей семьей в театре были!

– Галя у нас гимнастка! – заметил Смурной. – Только кажется хрупкой! А на деле запросто кому угодно шею свернет!

– Ты, Костя, болтай, да меру знай! – одернула его Вера. – Лучше про себя скажи! Ведь главным спортсменом у нас был как раз ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.